

ГЕННАДИЙ КРАСУХИН

КОММЕНТАРИЙ.

НЕ ТОЛЬКО ЛИТЕРАТУРНЫЕ НРАВЫ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2008

ББК 84(2Рос=Рус)6
К 78

Красухин Г. Г.

К 78 Комментарий. Не только литературные нравы. — М.:
Языки славянской культуры, 2008. — 480 с.

ISBN 5-9551-0227-2

Новые мемуары Геннадия Красухина написаны как комментарий к одному стихотворению. Что это за стихотворение и почему его строки определили построение книги, читатель узнает на первых страницах. А каким образом долгая работа в «Литературной газете» и в других изданиях, знакомство с известными писателями, воспоминания и размышления о вчерашней и сегодняшней жизни переплетаются с мотивами стихотворения, автор которого годится автору книги во внуки, раскрывает каждая её глава.

Дневниковая основа мемуаров потребовала завершить рассказ о происходящем, каким оно сложилось к 9 декабря 2006 года, когда в книге была поставлена точка.

ББК 84(2Рос=Рус)6

*В оформлении обложки использована картина
П. Брейгеля «Притча о слепых» (1568)*

Геннадий Григорьевич Красухин

КОММЕНТАРИЙ.

НЕ ТОЛЬКО ЛИТЕРАТУРНЫЕ НРАВЫ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор А. Полякова

Оригинал-макет подготовлен А. Камкиным

Художественное оформление переплета А. Григорьева

Художник-консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 05.12.2007. Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная № 1,
печать офсетная. Гарнитура Academia. Усл. печ. л. 30. Тираж 800. Заказ №

Изд-во «Языки славянской культуры». ОГРН 1037739118449.

Тел.: 607-86-93. E-mail: Lrc@comtv.ru

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ISBN 5-9551-0227-2

© Красухин Г. Г., 2008

© Языки славянской культуры, 2008

Прошлое России было удивительно, настоящее более чем великолепно, а будущее превзойдёт всё, что может себе представить воображение самое смелое: вот с какой точки зрения должно рассматривать и писать русскую историю.

*A. X. Бенкендорф,
и начальник III отделения
Его Императорского Величества
канцелярии, генерал-адъютант*

Ничего у нас в стране не бывает реальнее и продолжительнее, чем нелепости, освящённые властью.

*Александр Нилин
«Стрельцов: Человек
без локтей»*

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

*Роберт Бёрнс
(перевод С. Маршака)*

ДО ТОГО ДОСТАЛО

По понедельникам и четвергам я получаю «Новую газету», которую, как правило, с интересом читаю. Ничто не предвещало **события**, когда 8 июня 2006 года, я развернул свежий номер «Новой». А оно меня ждало. И как раз там, где меньше всего можно было это предполагать, — в небольшой поэтической подборке молодых поэтов.

Молодые поэты, в изобилии печатающиеся в периодике и сети, сейчас настолько плохи, что этот газетный лист я бы равнодушно перелистнул, если б не заголовок одного стихотворения «Шекспир. Сонет 66». Не прочесть сонета, который переводили крупные, даже великие русские мастера прошлого и позапрошлого веков, я просто не мог: это как узнать, что неизвестный тебе исполнитель играет знакомую до последней ноты мелодию, — послушаешь хотя бы из простого любопытства. Допустить, что некий Сергей Шабуцкий перевёл Шекспира выразительней Пастернака, мне, разумеется, и в голову не пришло. Точнее, Пастернак не переводил Шекспиров сонет, он писал по его мотивам. Но и Шабуцкий написал по мотивам сонета 66 Шекспира. Написал, как и Пастернак, 14 строчек оригинального стихотворения.

Так что же, Шабуцкий оказался выразительнее Пастернака? Я бы так вопрос неставил. Для меня несомненно одно: стихотворение Сергея Шабуцкого — редчайший нынче случай настоящей поэзии. Его удивительная интонация передалась мне, зазвучала во мне. И я (чего со мной уже очень давно не было) заболел им. Вытвердил его наизусть и твержу, твержу про себя:

Когда ж я сдохну! До того достало,
Что бабки оседают у жлобов,

Что старики аскают по вокзалам,
Что «православный» значит «бей жидов».
Что побратались мент и бандюган,
Что колесят шестёрки в «шестисотых»,
Что в загс приходят по любви к деньгам,
Что лёг народ с восторгом под сексотов.
Что делают бестселлер из говна,
Что проходимец лепит монументы,
Что музыкант играет паханам,
Что учит жить быдляк интеллигента.
Другой бы сдох к пятнадцати годам —
А я вам пережить меня не дам.

Такое впечатление, что Сергей Шабудкий подслушал мои чувства. Только вот озвучил их по-своему, на сленге своего поколения. Что, конечно, понятно: он ведь о своих, а не о моих ощущениях написал. У каждого своя жизнь. И у каждого поколения своя. И вот до того досстало меня стихотворение Шабудского, что захотелось мне рассказать о своей жизни, отталкиваясь от каждой его строчки. Причём захотелось написать не только о прошлой моей жизни, не только о нынешней, но о сиюминутной — о том, что происходило со мной и вокруг меня прежде, теперь, сейчас. Начинаю эту рукопись 29 июня 2006 года. Заканчиваю (это я вернулся к началу, после того как поставил заключительную точку) 9 декабря 2006 года. Так что не удивляйтесь моим выпискам из прессы, ссылкам на журналистов, политиков, чиновников, общественных деятелей, церковных служителей, деятелей искусства и науки, полемике с теми, кто выступал в этот период времени по телевидению, радио, в сети. Чем жил, о том и написал — откомментировал каждую строчку стихотворения Сергея Шабудского на свой лад. Хочется надеяться, что поэт на меня за это не обидится.

ЧТО БАБКИ ОСЕДАЮТ У ЖЛОБОВ

«У, жлобина!» — говорили в моём детстве о том, кто никогда не даст тебе покататься на своём самокате и вообще ничем с тобой не поделится, сколько ты его не упрашивай!

Помню покойную мою матушку, которая раз в неделю доставала откуда-то из груды белья в шкафу сшитый ею мешок (он затягивался резинкой-веревкой), развязывала его и сперва пересчитывала аккуратные пачки сотенных (при Сталине), десяток (при Хрущеве). Потом вскрывала пачку и считала ее: девять банкнот, безукоризненно скреплённых посередине идеально сложенной пополам десятой. Жили мы вчетвером (был ещё младший мой брат) бедно: отец на заводе получал 1200 рублей (120 — хрущевских), мать в детском саду — 500 (50 при Хрущеве). А, скажем, телевизор КВН-49 с экраном размера теперешнего маленького персонального компьютера стоил 1250 рублей. Да ещё сколько-то (не помню) стоила линза к нему. Тем не менее, похороны Сталина я смотрел уже по этому телевизору. Питались мы плохо, постельного белья в доме почти не было: мать экономила на всём. Не для того, чтобы купить телевизор или шубу. А потому, что не любила расставаться с деньгами. Так и вижу её склонившейся над своим мешком, куда непременно раз в месяц следовали добавления. А чтобы следовали, каждый вечер мать брала лист бумаги, записывала все ежедневные расходы и заставляла меня пересчитывать: выходить за пределы определённого матушкой лимита было делом совершенно невозможным. Вот и научился отец так резать колбасу, что, приложив её кусочек к глазам, можно было видеть предметы и сквозь него (отец этим страшно гордился). А масло на хлеб намазывали таким тонким слоем (только по утрам, на завтрак), что его и вовсе не было видно.

Помню, как вечно недоедающий мой маленький, растущий брат, когда не было дома обоих родителей, отрезал себе толстенный кусок серого хлеба, намазывал его маслом, посыпал сахарным серым песком и быстро съедал. Чтобы потом всё отрицать: ничего, дескать, я не ел — ну как Осип Хлестакову. Или как отец, любящий землю и скучившийся по работе на ней, когда мы получили садовый участок под Нарой (он и сейчас у меня там), отбил у меня навсегда охоту работать на земле. Корчевать лес, который нам выделили, вдвоём с отцом, вдвоём же рыть метровые (в глубину, длину и ширину) ямы, чтобы сажать в непаханую целину яблони, сливы, вишни, было мне, четырнадцатилетнему подростку, не под силу. В конце концов, к величайшему неудовольствию отца я объявил ему, что огородом заниматься не буду: поливать ещё куда ни шло, но копать землю — нет!

А огурцы, которые выращивались до размера приличных кабачков и солились на зиму, оказываясь непригодными даже для винегрета? А клубника, которая поначалу усыпала крупными ягодами густые кустики, а потом сникла, поскольку требовала подкормки, которую получала не слишком щедро!

Бедная моя мама! Я рад, что она не дожила даже до павловской реформы: сознание бессмыслинности самоограничения во всём ради накоплений сделало бы её жизнь сплошным мучением. «Для чего же вы так бедно жили?» — спросил старший брат отца, узнав о крупной сумме, оставшейся после матери.

Конечно, понять в какой-то степени маминую экономность (чтобы не сказать сккупость) можно: приличный мужской костюм стоил больше месячной отцовской зарплаты, а приличные женские туфли — больше половины материнской. Но ведь не ради костюма или туфель мы жили бедно...

«Определяйте значение слов», — цитировал Пушкин Декарта. Мне эта цитата пришла в голову на днях, когда я увидел разгневанного Лужкова, выступающего перед жителями сносимых домиков в Южном Бутове. «Жлобства мы не допустим», — гневно говорил московский мэр о матери и взрослому её сыне, отказавшихся выселяться в однокомнатную квартиру. Причём тут жлобство? — удивился я. А потом понял, слушая выступления замов мэра о том, какая многокилометровая (кажется, 180 000 семей) очередь стоит в Москве с 1982 года на получение квартир. «И это при том, — возмущались

замы, — что в Москве строится столько-то (очень много!) миллионов квадратных метров жилья; из них социального (читай: плоховатого) столько-то (читай: намного меньше!) миллионов. Так какой же не-благодарностью надо обладать...» ...Чтобы отказаться, добавлю от себя, двум взрослым — матери и сыну — взять однокомнатную квартиру! И кто назвал их «жлобами»? Градоначальник, который запросто, как букет цветов, вручает ключи от элитной квартиры или от иномарки какому-нибудь чемпиону мира или победительнице конкурса «Мисс Чего-нибудь». Высший чиновник, при котором вся чиновничья братва берёт взятки с любого обывателя, даже с нищего гастарбайтера! Кто заговорил о «жлобстве»? Муж единственной в России миллиардерши.

Кстати, не потому ли она миллиардерша, что его жена? Ну, сами посудите. У неё крупная строительная фирма. Наряду с другими её фирма участвует в конкурсе за право выиграть тендер, на который мэрия выставила что-либо: ну, допустим, строительство элитного жилья. Каковы шансы у жены мэра выиграть этот тендер? Смешной, скажете, вопрос? А эта жена мэра ещё владела и производством пластмассовой мебели для кафе типа «бистро», которых в Москве уйма. Чью мебель закупили такие московские кафе? Вопрос, скажете, тоже смешной? Но ведь только так и становятся миллиардерами, расчищая для себя поле, убирая конкурентов.

(Ах, думали ли мы, когда теснили и вытеснили коммунистический режим, что ему на смену придёт не просто диктатура бюрократии, но бюрократии династической! Вот очень типичная нынче ситуация. Супруги-генералы. Он был министром радиопромышленности СССР, она и сейчас председательствует в Межгосударственном авиационном комитете СНГ. Их сын — А. П. Плещаков основал известную ныне авиакомпанию «Трансаэро». А через некоторое время, оставив за собой пост председателя её директоров, уступил своей жене О. А. Плещаковой должность председателя правления и генерального директора компании!)

Имея такую жену и занимая такой пост, зачем же обзывать «жлобами» тех, кто просто хотел бы жить по-человечески? Дайте им достойную компенсацию! И без них, говорите, очередников много? Но эти-то, наверное, первоочередники!

И, кстати, как это так получилось, что не рассосалась очередь при таком гигантском количестве новостроек? Вон только вокруг моего

дома в Филипповском переулке уже четыре построили. И ещё три начали. Красивые дома. Не скажу, чтобы уж очень добротные: с одного из них так и сыплется потрескавшаяся штукатурка. Но кто бы из очередников отказался туда въехать? Ах, это не для них построено? И напротив моего — длинный, огромный, выходящий фасадом на Гоголевский бульвар — тоже не для них? А для кого? Для тех, с кого можно слупить, как говорят по-нынешнему, приличные бабки: с губернаторов, с депутатов всех дум, законодательных собраний и советов трудящихся, с бизнесменов российских, с олигархов, с тусовочников-эстрадников? Но если вы строите для этих, то уж не петляйте в дебрях великого и могучего! Не оскорбляйте очередников. К тому же и Крылова неплохо освежить в памяти. Помните у него: «Чем кумушек считать, трудиться...»

А вот и свежая почта подоспела с разъяснениями: читаю в «Московском комсомольце» за сегодняшнее 3 июля 2006 года гневное обличение неких пятерых молодых пройдох, которые умудрились приобрести «у одной из жительниц сносимого пос. Бутово менее шести квадратных метров жилья» и получить в собственность кто по одной шестьдесят четвёртой части дома, кто по одной сто девяносто второй. А теперь обратились с просьбой о предоставлении им отдельных квартир. Причём обратились (цитирую) «именно сейчас, когда “бутовский конфликт” усилиями некоторых политиков возведён в ранг народного бунта против московских властей». «Не подобные ли случаи, — спрашивает газета, — имел в виду мэр Москвы, когда говорил, что власти города не допустят жлобства?»

Не подобные! Для чего задавать бессмысленные вопросы? Какие-то прохиндеи купили, наверное, московскую прописку и теперь вылезли со своими требованиями на волне «народного бунта». Что ж у них общего со старожилами? И отвечают ли погорельцы за то, что после пожарных в их квартирах побывали мародёры?

А насчёт «некоторых политиков» я, пожалуй, готов согласиться. Адвокат Андрей Кучерена, председатель комиссии общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов Общественной палаты РФ, вряд ли пошёл бы с рогатиной на такую крупную политическую дичь, как наш московский мэр, если б не дали ему отмашку: можно! Ведь сама по себе Общественная палата, придуманная Кремлём, — муляж. Треть её состава назначена президентом, другая